

А.А.КОВРИГИН, С.В.ШАРАПОВА (Екатеринбург)

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНОСТЕЙ КАШИНСКОГО И ПРЫГОВСКОГО ТИПОВ

Группы памятников с керамикой кашинского и прыговского типов были выделены и описаны В.Д.Викторовой в 1969 г. на материалах раскопок Кашинского и Юдинского селищ, Юдинского и Прыговского городищ. Согласно концепции исследователя, развернутой в ряде работ, [1] древности кашинского круга локализованы в среднем течении Туры и Исети и датированы концом раннего железного века. Памятники прыговского типа, сформировавшиеся на основе кашинских, в шкале относительной хронологии следуют за ними и занимают приблизительно ту же территорию. Сходство двух групп керамики наблюдается не только в технологии изготовления и профилировке сосудов, но и в принципах орнаментации крупнозубым гребенчатым штампом. [2]

Благодаря исследованиям 70-х-90-х годов, особенно активным в последнее десятилетие, были получены новые данные и существенно расширен круг источников, что побудило специалистов вновь вернуться к "кашинско-прыговской" проблематике, уточнить или пересмотреть отдельные положения первоначальной схемы. Обобщив старые и новые материалы, Н.П.Матвеева выделила кашинскую культуру, в рамках которой были объединены кашинские и прыговские памятники. [3] Однако и сейчас среди археологов нет единого мнения по целому ряду вопросов.

По проблемам формирования кашинских комплексов специалисты солидарны в целом с В.Д.Викторовой, считающей, что "общность с кашинским типом памятников" складывается на основе местных традиций под воздействием пришлых речкинских (саргатских) групп.[4] Но, если Н.П.Матвеева под "местными племенами" понимает носителей байтовской культуры, [5] то Л.Н.Корякова отводит основную роль иткульско-саргатскому синтезу. [6]

Для поиска генетической основы древностей кашинского типа, и прежде всего орнаментальной традиции, целесообразно обратиться к историко-культурной ситуации, реконструируемой для первой половины эпохи раннего железа в Зауралье. В начале железного века на обширных территориях Тоболо-Ишимья были распространены различные варианты гребенчатой и гребенчато-ямочной традиций орнаментики (байтовские, носиловские, воробьевские, отчасти иткульские). В V-IV вв. до н.э. на среднем Тоболе и Исети происходит сравнительно быстрое становление гороховской культуры и поглощение (замещение) новыми стереотипами предшествующих традиций. При этом носиловская линия, более древняя на Исети, в этот момент прекращает свое существование, не оставляя в гороховских комплексах никакого следа. Территория северу от Исети оказалась по сути дела вне сферы интересов гороховской группировки, базировавшейся на полуседлом или полукочевом производящем хозяйстве, что способствовало сохранению на Тавде, Туре и Нице носителей гребенчато-ямочной орнаментальной традиции несколько дольше. Параллельно на востоке территории идет аналогичный процесс: по направлению с востока на запад фиксируется продвижение саргатских племен, сопровождающееся ассимиляцией или вытеснением аборигенного населения. Распространение саргатских стереотипов проходило широким фронтом, включающим не только лесостепь, но и южную тайгу. Саргатские памятники появляются в районе Тобольска, на Туре и не позднее IV в. до н.э. на Среднем Тоболе и в низовьях Исети. [7] Судя по всему, основная

часть переселенцев устремилась на запад по северной кромке лесостепи, что предопределило в конечном итоге крах гороховской культуры. Более северные районы, напротив, осваивались сравнительно небольшими группами (неспособными в силу своей малочисленности полностью ассимилировать аборигенов), которые к тому же не всегда могли закрепиться на новых территориях на длительный срок. По всей видимости, именно такая ситуация сложилась в Зауралье в IV-III вв. до н.э., когда южнотаежное население, подвергшееся заметному саргатскому влиянию, тем не менее выстояло и сохранило свою культурную специфику. Однако и местная основа, как представляется, не была однородной. Один из ее компонентов, возможно не основной, устанавливается ретроспективно - это северо-западная (туринская) группа баитовских памятников. Орнаментальные мотивы на баитовской посуде, хотя и имеют ряд общих черт с кашинской, все же довольно далеки от нее. Другая составляющая часть, прослеживаемая гораздо более отчетливо, - иткульская культура. В.Д.Викторова совершенно справедливо в свое время отметила заметные "иткульско-исетские" черты в коллекциях с памятников среднего течения Туры. [8] Целый ряд кашинских сосудов изготовлен из "тальковой" глины, большое сходство наблюдается и по отдельным элементам орнамента, таким например, как столбики отпечатков гребенчатого штампа по шейке. И, наконец, следует отметить отсутствие ямочно-жемчужного орнамента столь характерного для баитовских традиций на "классической" кашинской и иткульской посуде. [9]

Результаты раскопок последних лет поставили вопрос о пересмотре хронологии кашинских комплексов и, в частности, об удревнении их нижней границы до первой половины раннего железного века. Так, Н.П.Матвеевой в качестве начальной предложена дата "приблизительно IV в. до н.э." [10] Такая датировка, особенно с учетом происхождения памятников кашинского типа, в принципе не исключена, но в свете современных данных представляется недостаточно обоснованной. И прежде всего потому, что базируется на материалах многослойных поселенческих памятников (Старый Погост, Рафайлово), опубликованных к тому же в очень сжатой форме. [11] Кроме того, судя по публикациям, [12] верхние слои Рафайловского городища содержат не кашинскую (гребенчатую), а прыговскую (гребенчато-шнуровую) керамику, более сопоставимую с посудой второго хронологического горизонта Прыговского городища. Широко известный и часто упоминаемый в связи с кашинской проблематикой I Макушинский курган IV-III вв. до н.э. содержит только разнотипную саргатскую керамику, погребальные комплексы с кашинскими сосудами из дореволюционных раскопок на Туре достоверно не датированы, [13] а современные исследования не дают пока кашинских погребений древнее III-II вв. до н.э. [14] Поэтому на сегодняшний день предпочтительнее выглядит более осторожная точка зрения Л.Н.Коряковой, отводящей место ранним кашинским материалам в рамках хронологии культур Тоболо-Иртышской провинции в конце "саргатско-гороховского (V-III вв. до н.э.) этапа" [15] В определении верхней хронологической границы следует согласиться с мнением В.Д.Викторовой, более развернуто аргументированным Н.П.Матвеевой, - кашинская традиция доживает до конца раннего железного века. [16] Кроме грунтовых погребений IV-V вв. н.э. Абатского 3 могильника, содержавших 2 сосуда кашинского облика, [17] здесь следует упомянуть погребение IV-V вв. н.э. на Дуванском II селище, [18] а также очень близкую кашинской керамику из так называемых "гунно-сарматских памятников" III-V вв. н.э. Южного Зауралья (могильники Малково, Байрамгулово). [19]

Актуальной в археологии раннего железного века Зауралья остается проблема происхождения и датировки шнуровых орнаментов на зауральской посуде и связанный с нею круг вопросов изучения керамики прыговского типа, на которых такие орнаменты впервые получают широкое распространение. По поводу их происхождения в настоящее время существуют две точки зрения. Согласно первой, шнуровая орнаментация является автохтонной. Вторая, наиболее распространенная, указывает на ее приуральские истоки. [20] Скорее всего, ближе к истине исследователи, отстаивающие последнюю версию. Шнуровая техника, едва появившись на заключительном этапе эпохи бронзы (бархатовская культура), была полностью изжита уже в начале раннего железного века. В этот период безраздельно господствуют гребенчатая и гребенчато-ямочная традиции, нашедшие отражение в памятниках воробьевского, баитовского, иткульского и других типов. И лишь позднее на каком-то этапе веревочные орнаменты вновь появляются на посуде прыговского типа. При этом прыговская керамика в гребенчатом исполнении, согласно определению В. Д. Викторовой, очень близка кашинской, отличаясь от последней некоторыми деталями декора при единстве основных композиций и морфологических признаков сосудов. Шнуровая керамика, составляющая до четверти прыговских коллекций, ничем, кроме техники орнаментации и связанных с нею таких специфических элементов как скобки, из основной группы не выделяется. Ареал распространения прыговских памятников, совпадая в основном с кашинским, явно тяготеет к Уралу, не простираясь на восток далее Тобола. По другую сторону Уральских гор в ананьинскую эпоху, напротив, наблюдается расцвет "шнура". Позднее, в пьяноборское время, шнуровая орнаментика находит продолжение в комплексах гляденовской, осинской, гафурийско-убаларской АК, правда, уже в сравнительно небольших количествах (до 10 %), значительно уступая ямочно-резным, а иногда и гребенчатым узорам. [21] Таким образом, "миграционная" версия выглядит как будто бы более обоснованной и позволяет снять целый ряд проблем. Но, с другой стороны, такое решение порождает ряд новых вопросов и в частности: каковы были пути "приуральских мигрантов", к какой культурной группе они принадлежали, когда и почему продвинулись в Зауралье? Для решения всех этих вопросов уже далеко недостаточно простого сопоставления по некоторым взятым отдельно элементам орнамента керамики Зауралья и Приуралья. Сравнение целесообразно проводить в комплексе, учитывая общеисторический контекст.

При наличии похожих для приуральской и зауральской керамики признаков имеются существенные различия, проявляющиеся как в технологии изготовления сосудов, моделировании верхних частей, так и в орнаментах. В Зауралье посуда изготавливалась, как правило, из глины с примесью талька или без него, с добавлением шамота, органики; в то время как в тесте подавляющей массы приуральской керамики, как известно, имеется примесь дробленой раковины. Ощутимы несоответствия по морфологическим признакам: для Приуралья типичны плавная профилировка сосудов и отсутствие форм близких сильнопрофилированным прыговским. Помимо этого для ананьинской и керамики более позднего времени свойственны гребенчато-шнуровые узоры в комбинации с ямками, что для прыговских узоров совершенно не характерно. Таким образом, при ближайшем рассмотрении сходство приуральской и прыговской керамики оказывается весьма относительным, а различия существенными.

Здесь уместно вспомнить, что в ананьинскую эпоху вплоть до III в. до н.э. на восточном Урале функционировал мощный иткульский металлургический очаг и любая сколь-нибудь заметная миграция в это время безусловно должна была оставить свой след в иткульских материалах. Однако среди керамических коллекций с иткульских памятников нам неизвестно ни одного "гибридного" фрагмента, как нет таковых и в коллекциях других зауральских культур.

И, наконец, приведем наблюдение Н.Л.Членовой, считающей, что Урал служил серьезным препятствием для миграций и "массы людей со своими культурами в эпоху раннего железа... Уральский хребет не пересекали" [22] Что же касается межкультурных контактов, то этому имеется достаточно много свидетельств: во многом общий для ананьинской и иткульской культур ассортимент металлических изделий, тальковая (зауральская) керамика встречается в Приуралье [23] и, наоборот, на иткульском памятнике Палатки найдены обломки ананьинских сосудов. [24]

Отсюда следуют, по крайней мере, два вывода. Во-первых, появление шнуровой орнаментации на прыговской посуде является, скорее всего, результатом не миграции, а заимствования, по причине чего поиск приуральских аналогий для таких категорий, как архитектура или погребальный обряд, представляется малоперспективным. Во-вторых, если такое заимствование осуществлено из Приуралья, то не ранее II в. до н.э., т.е. после прекращения деятельности иткульского металлургического очага.

Далек от решения вопрос о датировке комплексов прыговского типа, отнесенных первоначально к I тыс. н.э. [25] В частности, Н.П.Матвеева, соглашаясь в целом с В.Д.Викторовой по поводу генетического единства прыговских материалов с кашинскими и поддерживая тезис о несколько более молодом возрасте первых, считает возможным датировать появление шнуровых орнаментов временем около III в. до н.э. [26] А в предыдущей ее публикации Рафайловское городище и ряд других памятников, содержащих саргатскую и гребенчато-шнуровую керамику, аналогичных ему "по основным чертам керамического комплекса" были включены в I группу саргатских поселений и датированы даже концом V-IV вв. до н.э. [27] Такое объединение повлекло за собой вывод об уменьшении в период III-I вв. до н.э. в саргатских коллекциях до 3 % гребенчатых узоров и исчезновению шнуровой техники, что рассматривается, как свидетельство "ассимиляции иноэтничных южно-таежных элементов, ранее включенных в саргатскую среду" [28]

За неимением серии убедительных абсолютных дат нам остается вновь вернуться к культурно-стратиграфической колонке, в рамках которой прыговские шнуровые комплексы располагаются выше иткульских, [29] носиловских и гороховских (Прыговское городище), [30] ранних саргатских и байтовских IV-III вв. до н.э. (Юдинское селище), [31] синхронны саргатским (Прыговское городище, Гаевский I могильник - поздняя группа погребений II-III вв. [32]). Микростратиграфия культурных слоев на памятниках у оз.Осинового [33] свидетельствует о несовпадении хронологических позиций кашинского и прыговского горизонтов. Таким образом, методом исключения, а также с учетом предыдущих выводов, ранняя дата прыговских материалов, скорее всего, должна быть смещена к рубежу эр, вероятно, к отрезку времени не ранее II в. до н.э. В противном случае нам придется обосновывать тезис о конвергентном зарождении шнуровой орнаментики на прыговской керамике, либо предполагать заимствование ее не из Приуралья.

Нет сейчас и однозначных выводов о поздней дате прыговских материалов. С одной стороны, вполне убедительна гипотеза о перерастании их в культурные образования средневековья, с другой — хороших хронологических ориентиров здесь мы не имеем. Далее, в конце эпохи раннего железа известны как гребенчатые (кашинские), так и гребенчато-шнуровые (прыговские) комплексы, причем, кашинский ареал несколько шире. Таким образом, не исключена возможность того, что различия между исследуемыми типами керамики будут носить как хронологический, так и территориальный характер.

Также необходимо обратить внимание, что "шнуровая" керамика встречается и севернее, в коллекциях западнокулайских (ближайших к Уралу) памятников саровского этапа и, в частности, на городищах Сортынья II и Нияксимволь на Северной Сосьве, поселении Вож-Пай и городище Усть-Полуй на нижней Оби. [34] Для последнего, кстати, недавно получена дендрохронологическая дата, соответствующая 49-48 гг. до н.э. [35] Наконец, шнуровые орнаменты известны и на керамике синдейского типа. [36] Таким образом, проблема шнуровых орнаментов не является узколокальной и не замыкается только на прыговских комплексах.

Подводя итог, приходится констатировать, что несмотря на известные успехи, едва ли какой-нибудь из основных вопросов в изучении кашинско-прыговских древностей можно считать решенным окончательно. По-прежнему на повестке дня остаются такие принципиальные задачи, как поиск надежных хронологических реперов для разных типов керамики, исследование механизма формирования шнуровой группы керамики прыговского типа. Открыт вопрос, являются ли прыговские памятники по отношению к кашинским последующим хронологическим этапом или локально-хронологической группой. Много неясностей остается в отношении погребального обряда и, в частности, насколько грунтовые погребения Абатского 3 могильника отражают собственно кашинский ритуал. Как известно, есть и курганные захоронения. Практически отсутствует какая-либо внутренняя хронология. На фоне обозначенных проблем задача непреходящей этнической атрибуции памятников кашинско-прыговского типа представляется не самой актуальной.

В этой связи необходимо затронуть вопрос о выделении кашинской культуры. Современные материалы дают известные основания для такой постановки вопроса, но вместе с тем, нельзя не признать, что на сегодняшний день выделение новой культуры выглядит несколько преждевременным, поскольку состояние источников по этой теме не отвечает, на наш взгляд, столь высоким требованиям. Безусловно, потребуются дальнейшие целенаправленные, в том числе полевые, исследования прежде, чем во многом гипотетические характеристики культуры будут всесторонне аргументированы. Перспективными в этом направлении представляются раскопки памятников археологии и, прежде всего, курганов в лесной зоне Зауралья — в районе Туры и Ницы, поскольку именно здесь, как предполагается, находился центр формирования кашинской традиции. Не менее актуальным является продолжение изысканий на Урале с целью прояснения археологической ситуации в горно-лесной зоне после трансформации иткульской культуры. Весьма вероятно, что именно с "поститкулем" периодом ныне довольно туманным окажется связана судьба прыговских шнуровых комплексов.

И, наконец, еще одна проблема. Как это ни парадоксально, но до сих пор практически нет объемных развернутых публикаций опорных памятников. Едва ли не самой

полной остается статья 1964 г. по материалам раскопок на Прыговском городище в 1961 г. [37] Представляется чрезвычайно насущной необходимость обработки эталонных коллекций, в том числе и старых, по современным методикам и подробная их публикация, что, безусловно, будет также способствовать успешному решению обозначенных проблем.

1. Викторова В.Д. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья: Дисс. канд. ист. наук. Свердловск, 1969; Викторова В.Д., Кернер В.Ф. Памятники эпохи железа у озера Осинного / Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988. С.129-141; Викторова В.Д., Морозов В.М. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С.173-192.
2. Викторова В.Д., Кернер В.Ф. Памятники эпохи железа... С.135.
3. Матвеева Н.П. Ранний железный век Пришимья. Новосибирск, 1994.
4. Викторова В.Д., Кернер В.Ф. Памятники эпохи железа... С.139.
5. Матвеева Н.П. Ранний железный век... С.141.
6. Корякова Л.Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция на ранней и средней стадиях железного века). Докл. дисс. д.и.н. Новосибирск, 1993. С.45.
7. Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск, 1993. С.151-154.
8. Викторова В.Д., Кернер В.Ф. Памятники эпохи железа... С.139.
9. На кашинских сосудах с городища Янычково ямочный орнамент встречается, но здесь это связано с влиянием северной орнаментальной традиции и к баитовской отношения не имеет. См.: Морозов В.М., Панина С.Н. Городище Янычково (предварительные результаты исследования) // Охраняемые археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1997. Вып. I. С.76-91.
10. Матвеева Н.П. Ранний железный век... С.140.
11. Могильников В.А. Работы Алтайской экспедиции // Археологические открытия 1986 г. М., 1988. С.247-248; Матвеева Н.П. Рафаёловское городище — памятник саргатской культуры Среднего Приоболья // Российская археология. М., 1993, № 1. С.148-163.
12. Матвеева Н.П. Саргатская культура...; Матвеева Н.П. Рафаёловское городище...
13. Викторова В.Д. Население эпохи железа... С.92-96.
14. Культура зауральских скотоводов на рубеже эр Екатеринбург, 1997. С.68; Шарапова С.В. Бронзовая антропоморфная плакетка из Прыговского 2 могильника // Сургут, Сибирь, Россия. Тез. докл. конф., посвященной 400-летию г. Сургута. Екатеринбург, 1994. С.226-228.
15. Культура зауральских скотоводов... С.145.
16. Матвеева Н.П. Ранний железный век... С.140.
17. Там же. С.130-139.
18. См. тез. В.М. Морозова в настоящем сборнике.
19. Боталов С.Г., Полушкин Н.А. Гунно-сарматские памятники Южного Зауралья III-V веков // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996. С.178-193.
20. Викторова В.Д., Морозов В.М. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века... С.180-183.
21. Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М., 1988. С.82-88, 154, 191; Моисухин В.П. Раннегладеновское поселение у д. Севостьяны близ г. Перми // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1992. С.106-112.
22. Членова Н.Л. Урал как рубеж культур и культурных элементов в эпоху бронзы и раннего железа // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Тез. докл. XII Уральского археологического совещания. Екатеринбург, 1993. С.223-224.
23. Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1952. № 30. С.66, 69.
24. Бельтикова Г.В. Развитие иткульского очага металлургии // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 1993. С.95.
25. Викторова В.Д. Население эпохи железа... С.135.
26. Матвеева Н.П. Ранний железный век... С.140.
27. Матвеева Н.П. Саргатская культура... С.151.
28. Там же. С.153.

29. Ерохин Н.Г., Тихонова Н.Р., Волков Р.Б. Першинская-I пещера -стратифицированный археологический памятник в Среднем Зауралье (каменный век - поздний железный век) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1997. Вып.1. С.61-69.
30. Генинг В.Ф., Позднякова М.К. Прыговское городище на р. Исети // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1964. Вып.6. С.34-71.
31. Викторова В.Д., Кернер В.Ф. Памятники эпохи железа... С.132-135.
32. Культура зауральских скотоводов... С.64-70.
33. Викторова В.Д., Кернер В.Ф. Памятники эпохи железа... С.129-141.
34. Мошинская В.И. Керамика Усть-Полуйской культуры // Материалы и исследования по археологии СССР М., 1953. № 35. С.107-116.
35. Малоземова О.В. Из истории исследований на Усть-Полуе // Музей вчера, сегодня, завтра. Материалы конф., посвященной 90-летию Ямало-Ненецкого окружного краеведческого музея. Салехард. В печати.
36. Викторова В.Д., Морозов В.М. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века... С.174.
37. Генинг В.Ф., Позднякова М.К. Прыговское городище... С.34-71.

Т.А.КОЛОБОВА (Ижевск)

ГЛИНЯНАЯ ПЛАСТИКА ПРИКАМЬЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Глиняная пластика представляет собой уникальный археологический источник. Составляя часть материальной культуры древнего общества, она отражает и определенные черты духовной жизни людей. Глиняные изображения являются своеобразными памятниками первобытного искусства. Они связаны с мифологическими представлениями древнего человека и определенным образом отражают его отношение к окружающему миру и к самому себе.

Изучение глиняной пластики дает возможность проникнуть в духовный мир народов даже дописьменного периода истории. Однако задача эта очень сложна. Ведь в процессе исследования археолог имеет дело с вещью, утратившей свою связь с окружением. Поэтому не может существовать полной и исчерпывающей интерпретации семантики того или иного явления древней культуры.

Пластические изображения создавались в первобытном обществе, основная черта которого - его традиционность, подчинение всех сторон жизни строгим нормам. Поэтому ценность любого произведения искусства заключалась не в индивидуальности и оригинальности, а в соответствии традиционным формам. Для древней культуры характерна нацеленность на связь с окружающим миром, в чем виделся залог благополучия всего коллектива людей. Это определяло выбор материала для изготовления вещи и выбор ее формы.

Проблема изучения памятников культуры древних обществ и, в частности, глиняной пластики очень актуальна. Тема глиняной пластики Прикамья раннего железного века практически не изучена. Археологи ограничивались лишь публикацией и описанием отдельных экземпляров пластики, найденных в процессе раскопок.

В Прикамье пластика встречается лишь на поселениях (случаи нахождения в могильниках неизвестны), датируемых в основном ананьинским и пьяноборским временем. Обращают на себя комплексы глиняной пластики Тарасовского I селища (более 80 экземпляров), Гремячанского поселения (рассмотрены 30 экземпляров), Зуевключевского I городища (более 20 экземпляров), городища Серенькино и некоторых других, расположенных в бассейне Камы и ее притоков.